

— Князь Жун, барышня Шан снова пришла. Не желаете ли принять её? — Гуй Цзю бросил взгляд на хозяина, полулежавшего на длинном кресле, и тихо спросил.

— Она небось пришла посмотреть на моё посмешище!

Лю Сяожун покачал головой и усмехнулся. В этот момент он выглядел поистине жалко, даже несколько обессиленно: губы побелели, во взгляде отсутствовал блеск, верхняя половина туловища была наглухо обмотана белыми бинтами, но что ещё важнее — слева, близко к сердцу, виднелось бросающееся в глаза ярко-алое пятно.

— Подчиненный понял!

Гуй Цзю с сильным чувством вины отвернулся.

Он уже дошел до двери, как вдруг услышал донесшиеся из-за спины слова:

— Ладно, другие боятся, что сор из избы вынесут, а я и так уже в таком положении — чего мне бояться? Гуй Цзю, раз уж она хочет поглазеть на мой позор, проведи её сюда!

— Есть!

Гуй Цзю вышел и вскоре привел Шан Янь и Сяо И.

Первая шла с пустыми руками, и у неё действительно имелся повод вызывать подозрения в том, что она пришла позлорадствовать. Вторая держала в руках небольшой желтый узелок и, глядя на Лю Сяожуна, не выказывала никаких эмоций, словно глядя на деревянную куклу.

Если же обратиться к первой, то с момента своего появления она почти всё внимание сосредоточила на Гуй Цзю. Её слегка нахмуренные брови казались выражением недоумения: она никак не могла взять в толк, почему рядом с Лю Сяожуном может находиться человек с таким уровнем силы.

— Барышня Шан!

Лю Сяожун первый подал голос.

— Надеюсь, ты ничего не путаешь, — Шан Янь отвела взгляд от Гуй Цзю и холодно произнесла: — Я пришла сюда лишь для того, чтобы убедиться, сдох ты или нет.

— Тогда, боюсь, я разочарую барышню Шан, — невольно с горькой усмешкой подумал про себя Лю Сяожун. По правде говоря, он понятия не имел, чем мог насолить этой старшей барышне

из клана Шан. Уж не из-за того ли, что парой дней ранее отклонил её предложение о помощи?

Это ведь чересчур!!

— Некоторое время назад я подобрала раненого бродячего пса, и у меня осталось еще немного мази, которая вот-вот начнет смердеть. Понятия не имею, будет ли от неё толк, если намазать человека. Если не брезгуешь, можешь забрать и попробовать, авось у кого-то живучесть окажется покруче, чем у бездомной собаки!

Сказав это, Шан Янь тут же повернулась, чтобы уйти. Однако...

— Госпожа Шан!

— У вас еще есть какое-то дело, князь Жун? — Шан Янь остановилась, но поворачиваться не собиралась.

— Я хотел сказать: какими бы ни были мои шансы выжить в сравнении с собачьими, я всё равно благодарен вам, — искренне произнес Лю Сяожун.

— Не стоит, — обронила Шан Янь. — Я же сказала: я просто пришла проверить, сдох ты наконец или нет.

— То, сдохну я или нет, для вас так важно? — спросил Лю Сяожун.

— Не важно! Ни капли не важно! — с предельной честностью ответила Шан Янь.

— Тогда зачем вы пришли принести мне лекарство?

— Я принесла собачью мазь, людям она не годится, а выбрасывать жалко!

Эта фраза обладала нулевой убойной силой и стопроцентным оскорбительным эффектом.

Лю Сяожун мог лишь снова горько усмехнуться про себя. Лишь спустя довольно долгое время он медленно вымолвил:

— Трое суток назад вы сказали, что можете помочь мне с одним делом. Интересно, эти слова всё еще в силе?

— В силе, но только после того, как твои раны заживут, — бросила Шан Янь и снова сделала шаг.

— Я не могу ждать.

Громко выпалил Лю Сяожун. — Если ждать дальше, от моего жалкой жизни действительно ничего не останется, и мне не может вечно так везти. Если у барышни Шан есть время, я бы хотел, чтобы мы поговорили. Прямо сейчас!

Похоже, нынешнее покушение и впрямь загнал Лю Сяожуна в тупик, иначе он наверняка не стал бы так спешить.

Если бы это произошло раньше, учитывая всё отвращение Шан Янь к Лю Сяожуну, услышав подобные речи, она бы непременно тут же ушла. Но теперь, возможно, из-за ранений противника, а может, в силу того, что девичье сердце по своей природе склонно к жалости к автору...

Короче говоря, немного подумав, она всё-таки повернулась и вновь устремила взгляд на Лю Сяожуна:

— То, что я сказала, разумеется, в силе. Но я хочу, чтобы ты назвал мне причину, по которой я должна тебе помогать.

— Разумеется.

Лю Сяожун тайком выдохнул. Помолчав немного, он продолжил:

— Я знаю, что вы меня терпеть не можете. По правде говоря, я и сам себя нынешнего на дух не переношу. Но ради того, чтобы выжить, у меня просто нет выбора — приходится продолжать в том же духе, доживая жизнь презираемым всеми негодяем, каким меня хотят видеть окружающие.

Произнеся это, он ощутил, как насмешка над самим собой в его глазах стала еще отчетливее.

В этой самоиронии сквозило немало затаенной обиды.

Неизвестно почему, но при виде такого взгляда на душе у Шан Янь неожиданно заворочалась странная, необъяснимая тяжесть. Еще более шокирующим — или, пожалуй, невероятным — было то, что она смутно догадывалась: её лютая ненависть к этому парню, возможно, как раз и коренилась в этой самой непонятной тяжести.

С каких пор она появилась?

Неизвестно!

Словом, она просто была.

— Ты, пожалуй, не согласишься и решишь, что я тут изворачиваюсь, подыскивая оправдания своим мерзким поступкам. Но барышня Шан должна знать, что полгода назад я уже умирал один раз. Причина заключалась в том, что я слишком тянулся к знаниям — в тишине ночных часов я тайком читал книги, например, по истории империи.

— Это и есть та причина, по которой некто пожелал отравить меня до смерти. К счастью, мне удалось ускользнуть из пасти смерти.

— Вроде бы говорят: кто избежал великой беды, того ждет великое благо. Но я прекрасно понимал: за моим чудесным спасением неминуемо последуют новые напасти — если я по-прежнему не научусь за себя постоять.

— На улице каждый встречный окликает меня князем Жун, но при этом любой из них может подойти, чтобы поиздеваться надо мной, унижить или высмеять. В худшем случае такие добросердечные простолюдины, как барышня Шан, устаивают меня лишь пары холодных колких фраз. По правде говоря, мне и даром не нужен такой титул князя Жун — только вот выбора мне никто не давал!

— Я вовсе не...

Услышав, что собеседник переводит стрелки на неё, а также глубоко потрясенная его словами и вспомнив о собственном недавнем недостойном поведении, Шан Янь от смущения машинально подумала о том, чтобы всё отрицать.

Но едва выговорив три слова, она осеклась — потому что он говорил чистую правду!

— Я к тому, что... я не знала, что тебе приходилось так... несладко! — в конце концов смогла лишь тихонько вымолвить Шан Янь.

— Быть может!

Лю Сяожун равнодушно усмехнулся. — Но вчерашней ночью, в тот миг, когда этот горный разбойник попытался пронзить ножом моё сердце, меня вдруг озарило: если человек хочет выжить — пусть даже ценой минимальных усилий и наотмашь поправ достоинство, — он ни в коем случае не должен вечно проявлять слабость. Поэтому я решил... отомстить!

Последние два слова прозвучали негромко, однако в тот момент, когда они слетели с губ, остальные три человека в гостиной физически ощутили ту непоколебимую решимость, что исходила от Лю Сяожуна.

Шан Янь и вовсе выпалила вопрос:

— Кому ты собрался мстить? Князь Жун, я согласилась помочь тебе лишь в одном деле, причем в пределах моих возможностей. Если задуманное тобой выйдет за рамки моих сил, я ничем не смогу помочь.

Клан Шан действительно обладал столь колоссальными финансовыми возможностями, что выражение «богатства соперничают с императорскими» казалось преуменьшением. Можно сказать так: в мире Мир Бяньхуан, если клан Шан признавал за собой второе место, никакой другой финансовый конгломерат не смел претендовать на первое.

Но это касалось исключительно финансовой сферы.

У клана Шан имелась и смертельная ахиллесова пята — это государственная власть.

Поэтому во всём, что так или иначе затрагивало государственное управление, клан Шан предпочитал не участвовать.

Именно по этой причине клан Шан сумел возвыситься над бесчисленными большими и малыми конгломератами, став единоличным гигантом, которого в то же время неизменно приветчали все четыре великие империи!

<http://bllate.org/book/21193/2145612>